

8-й годъ изданія.

Цѣна отд. № въ Петербургѣ и въ провинціи — ДВѢ коп.

СОВРЕМЕННОВОЕ СЛОВО

ЧЕТВЕРГЪ, 3 іюля 1914 г. № 2325

ЧЕТВЕРГЪ, 3 іюля 1914 г. № 2325

Чеховская полоса.

Отзвучать послѣднія рѣчи по поводу десятилѣтія чеховской кончины. Погрустимъ мы у печальной, ранней могилы, подумаемъ о тѣхъ прекрасныхъ возможностяхъ, которыя безвозвратно умерли со смертью Чехова, о тѣхъ несозданныхъ красотахъ, которыя остались погребенными въ душѣ писателя, въ его воображеніи, въ его творческихъ замыслахъ.

Культурная Россія вся вѣтра побывала мысленно на кладбищѣ, похитившемъ у насъ Чехова.

Побывала вѣтра на кладбищѣ, а сегодня припалась за свои обычныя дѣла и заплѣтѣ...

Дѣла и заплѣтѣ обывательскія, тѣ же старыя обывательскія дѣла, нудность которыхъ такъ хорошо и тонко ощущалъ Чеховъ, и на фонѣ которыхъ онъ такъ умѣло изображалъ нудныхъ людей русской имперіи.

Ушли ли со сцены жизни чеховскія герои? Прошла ли самая чеховская сумеречная полоса? Исчезли ли хмурые люди и сдѣлалась ли веселѣе и ярче русская жизнь?

Чеховъ много намъ далъ въ смыслѣ общественно-политическаго пониманія страны и насъ самихъ. Книги Чехова, это книги русской исторіи, застоявшейся въ болотѣ пятидесятихъ годовъ. Это исторія въ художественномъ изображеніи Чехова односторонняя и далеко не полно рисуетъ картину нашей жизни. Но она такъ ярка и талантлива, что даетъ ключъ къ пониманію многихъ событій.

Чеховскіе люди во многомъ содѣйствовали провалу тѣхъ великихъ начинаній, которыми вдохновилась страна въ освободительную полосу. Чеховскіе люди, были, вѣдь, основнымъ фундаментомъ русской жизни. Этотъ фундаментъ, казалось, весьма легко разрушить. И онъ казался въ 1904—1905 гг. всецѣло разрушеннымъ.

Но пришли красивые дни, — и опять на горизонтѣ показалась великая китайская стѣна, которая всегда препраждала путь русской культуры, русскому прогрессу и русской свободѣ. Стѣна органическая, росшая снизу изъ общественныхъ слоевъ. И держалась она именно отпѣтыми людьми пятидесятихъ годовъ во всѣхъ областяхъ жизни.

Конечно, многое теперь смѣнилось въ русской жизни. Она, въ сущности, сдѣлала громадный сдвигъ впередъ. Россія неузнаваема даже за послѣднія несчастные десятилѣтія. Обозначилась Россія новая, трудная, свѣтлая, темная, несумеречная и пенудная, а радостная и веселая.

Но все же мы попали въ полосу мертвой реакціи, идущей сверху, а главное — снизу. Жизнь развивается. Жизнь пошла дальше, обходнымъ путемъ къ достиженію тѣхъ идеаловъ, которыми въ красныхъ зоряхъ нашихъ такъ красиво засіяли десять лѣтъ тому назадъ. И дологъ будетъ этотъ обходный путь...

Прямымъ путемъ мѣшаетъ многое, и между прочимъ, живучесть чеховскихъ героевъ.

О, они еще далеко не умерли. Если одни изъ нихъ послѣ вспышекъ русскаго Везувія впали въ болышій пессимизмъ, уныніе и отчаяніе, то другіе перешли въ наступленіе въ рядахъ реакціи. Нечистъ и пакость, что поднялась со дна русской жизни въ защиту мракобесныхъ идеаловъ, сложилась и морально сформировалась въ беззутные пятидесятие годы.

Мы знаемъ, какую роль играетъ въ реакціи армія тѣхъ педагоговъ, которые навѣки заклеяны чеховской печатью чужковъ въ футлярѣ. Но чужовки въ футлярѣ были во всѣхъ сферахъ и сферахъ русской общественности: они дѣйствуютъ и въ политической области, и въ искусствѣ, и въ литературѣ, и во всѣхъ общественныхъ организацияхъ. И эти чужовки, упорно тупущее колесо исторіи назадъ, вдохновляютъ реакцію, даютъ ей базу снизу, создаютъ надежную общественную поддержку.

И все чужовскіе люди, начиная отъ сантиментальныхъ романтиковъ, аналитиковъ-самодѣловъ и кончая грубыми бурбоками — все они теперь совокупными силами поддерживаютъ давно спящее политическое міросовершенство и даютъ опоры дождливымъ о ползати Россіи къ идеаламъ Свободы, Оправды и Счастья.

Чужовскіе люди еще есть. Они трусовы, они преданы, они тѣствуютъ по праву, но все же дѣйствуютъ, иная стѣна болѣе властная элементъ...

Чужовская полоса жизни не прошла. Она неукротимо разламывалась, но не умирала, и чужовки горой даго еще будутъ пакостить и кинуться на русскую общественность, зарывая въ нее безжалостно и грубо...

Но придетъ день, — и новая порода, новая идеология придетъ, бѣлая и черная, и смететъ чужовскую стѣну. И не будетъ 200—300 лѣтъ, какъ было, а будетъ, какъ будетъ...